

Ю. В. СОЛОВЬЕВ

САМОДЕРЖАВИЕ И ВОПРОС О СЛУЖЕБНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XIX в.

В конце XIX в. перед царизмом остро встала такая проблема, как роль дворянства на государственной службе. Дворянство издавна было основным поставщиком чиновничества, и классовый характер самодержавия выражался не в последнюю очередь в решительном преобладании дворянства в механизме государственной власти. С вступлением России в новую фазу развития положение и в этой области не осталось прежним. Усложнение функций управления и разрастание самого аппарата власти вызвали усиливающийся приток на государственную службу разночинцев, хотя пока затруднительно установить точные размеры этого явления. Управление страной по-прежнему продолжало находиться в руках дворянства, но появление в канцеляриях во все большем числе лиц иного происхождения начинает восприниматься в дворянской среде как серьезная угроза основным интересам сословия. Одной из главных целей устроенного в 1897 г. по настоянию дворянской реакции Особого совещания по делам дворянства стало закрепление дворянской монополии на государственной службе. В пору подготовки совещания «Московские ведомости», «Гражданин» не раз в самых резких выражениях высказывались о современном чиновничестве, видя в нем силу не только политически ненадежную, но и способную при известных обстоятельствах стать центром оппозиции, соперником самодержавия. Свои подозрения и нападки они мотивировали возрастающим притоком в чиновничью среду разночинцев, подчас выходцев из наиболее приниженных слоев общества. А что в государственный аппарат попадали из этого источника лица, получившие высшее образование и проявившие подчас незаурядные способности, давало лишь новый повод для тревоги: в них-то и видели наиболее коварных и опасных скрытых врагов режима, которые будут подтачивать его изнутри.

Не допустить это можно было только одним способом — закрепить все служебные преимущества дворянства, сделать принадлежность к нему главным критерием при поступлении на службу.

Созданная при совещании Комиссия Д. С. Сипягина, по-видимому, и должна была наряду с реорганизацией дворянских учреждений перевести эти пожелания в область практических действий.

Хотя упрочение дворянской монополии на государственной службе было одним из наиболее важных для инициаторов совещания дел, заиматься им не пришлось, так как в 1895 г. уже была образована Комиссия под председательством Е. А. Перетца для пересмотра устава о государственной службе, которая прежде всего должна была установить, по какому принципу комплектовать аппарат управления.

Предмет ее занятий представлял собой один из наиболее болезненных для самодержавия вопросов. Неустроенность и попросту хаотичность в организации службы десятилетия назад обратили на себя внимание правительства. Работа государственного аппарата регулировалась разновременными, нередко противоречившими друг другу положениями. Механически соединенные, они и составляли действующий устав. Огромные неудобства проистекали из одного несоответствия табели о рангах реально существующим должностям. Усложнение жизни страны в после-реформенные десятилетия повело к росту и усложнению самого аппарата управления, и прежние недостатки организации, вернее, неорганизованности государственного механизма, стали еще болезненнее. Это усложнение делало менее вероятным успех очередной попытки распутать давно запутанный клубок. Кроме объективной трудности изменить давно установившийся порядок или беспорядок, самодержавие в этом случае понало в тиски безысходного противоречия, потому что центром тяжести проблемы стал важнейший вопрос: из кого следует комплектовать государственный аппарат, как относиться к пополнению чиновничества лицами недворянского происхождения и что нужно сделать для того, чтобы не дать им оттеснить дворянство на второе место? Противоречивость положения, в котором оказалось самодержавие, состояло в том, что все более усложняющиеся задачи управления в связи с принятием на себя государством новых разнообразных функций требовали все более квалифицированного персонала, а дворянство оказалось не в состоянии удовлетворить обостряющуюся потребность государственного аппарата в достаточно подготовленных кадрах, и потому не происхождение, а образование приобретало со временем все большее значение. Силою вещей дворянство постепенно отодвигалось с прежде занимавшегося им господствующего положения, а царизм пытался не допустить этого, все снова неизбежно стапяваясь перед дилеммой:

или закрыть доступ к государственным должностям социально нежелательному для себя элементу, с верной перспективой парализа государственного аппарата, или проводить его комплектование на основе более или менее свободной конкуренции, в которой дворянство имело верный шанс проиграть. Тяготев к первому решению, царизм тем не менее не мог себе позволить провести его на практике. И, пожалуй, не так часто правительственная политика делала такие зигзаги и неожиданные повороты, как в многолетних стараниях найти здесь удовлетворительное для самодержавия решение.

Проблема возникла еще в 1809 г., когда по причине необразованности верхних слоев чиновничества был издан указ, делавший высшее образование обязательным условием при занятии высших должностей. В 1834 г. он был отменен, фактически перестав действовать задолго до того в силу многочисленных исключений и изъятий. В последние годы царствования Николая I правительство и вообще провозгласило прямо противоположный принцип, упразднив прежние льготы по службе для лиц с высшим образованием, именно в них и усмотрев серьезную опасность для существующего режима. Но вскоре выяснилось, что от этого пострадала прежде всего государственная служба, и с отменой крепостного права и последовавшими реформами царизм был вынужден оставить и эту позицию, и ценность образования более не подвергалась сомнению. Однако уже в царствование Александра II определилось, что в новой обстановке, с сохранением прежних огромных преимуществ, предоставляемых при прохождении службы принадлежности к дворянству, именно по этой причине не оно (дворянство) будет давать государственному аппарату образованных чиновников. Тогда-то перед властью со всей остротой встала необходимость выбора между дворянами, как правило, малообразованными, и лицами образованными, но, как правило, недворянами. Права по образованию явно пришли в столкновение с правами по происхождению. Возникновение в таком виде и значении задачи проявилось в создании в 1877 г. Особой комиссии из представителей министерств и главных управлений, которой было поручено представить свои рекомендации относительно прав по службе выпускников высших учебных заведений. Основной итог ее трехлетней работы состоял в подтверждении того принципа, что независимо от степени полученного образования все поступающие начинают службу с первого классного чина, т. е. высшее образование не предоставляло никаких преимуществ, хотя комиссия одновременно считала, что на важные должности следует назначать только лиц с высшим образованием. Передав свое заключение в 1880 г. на рассмотрение министерств и ведомств, комиссия в течение двух последующих лет получала их отзывы, большей частью критические. Решительно не согласился с ее выводами Победоносцев. К огри-

цательным последствиям осуществления рекомендаций комиссии он отпустил уменьшение числа желающих получить высшее образование и соответственно меньший приток на государственную службу достаточно подготовленного персонала.¹

Встретив определенно неблагоприятный прием, председатель Комиссии министр народного просвещения гр. Делянов не стал упорствовать и 30 сентября 1884 г. внес на рассмотрение Государственного совета существенно видоизмененное представление.

Огромные преимущества по происхождению, уравниваемые для недворян до некоторой степени лишь получением высшего образования или окончанием гимназии с золотой или серебряной медалью, при обостряющейся потребности аппарата в квалифицированном персонале создали во взаимодействии этих факторов весьма тревожное, по мнению Делянова, для интересов режима положение. Предлагаемые теперь меры целиком и непосредственно выводились из социально-экономических последствий действующей системы комплектования государственного аппарата, подробный анализ которых занимал в представлении центральное место.

Положение рассматривалось под углом зрения меняющегося соотношения в органах управления представителей дворянства и других социальных групп.

Опасность усматривалась в том, что «действующие узаконения о правах и преимуществах по гражданской службе воспитанников учебных заведений как бы направлены к тому, чтобы наиболее поощрять к учению и к приобретению высшего научного образования людей из низших податных сословий, не имеющих по происхождению права на вступление в государственную гражданскую службу, и не заключают в себе почти никакого поощрения к учению и к высшему образованию для лиц из высших классов общества, из потомственных дворян».² Потомственный дворянин прямо проигрывал в своей служебной карьере, если поступал на службу лишь по окончании гимназии или университета, а выигрывал тот, кто в лучшем случае кончал уездное или городское училище или четыре класса гимназии, а то и просто сдавал испытания на первый классный чин, т. е. умел читать, писать и считать.

Размеры и значение опасности измерялись тем, что наиболее надежный для царизма элемент — потомственное дворянство с его «преданностью всем заветам нашей истории» — при таком порядке вещей «все более и более должно оскудевать образованием, разумением и пригодностью для высших ступеней государственной службы и все более отесняться от них лицами из низ-

¹ ЦГИА СССР, ф. 4200, он. т. XVI, д. 1, ч. II. Представление И. Д. Делянова в Госсовет от 30 сентября 1884 г., л. 385 об.

² Там же, л. 387 об.—388.

них сословий». Важнейшие интересы самодержавия, политическая ненадежность и даже неблагонадежность тех, кто заменяет дворянство в правительственных канцеляриях, должны побудить, убеждал Деляпов, воспрепятствовать совершению этого «несомненно уже начавшегося специально-политического переворота».³ Но трудность в том и состояла, что, не доверяя разночинцам и ожидая от них ущерба своим коренным интересам, самодержавие не могло принять против них каких-либо агрессивных мер, так как неудовлетворительность работы государственного механизма, заполненного скудно и плохо образованным чиновничеством, создалась и в самом правительстве. Надежды на улучшение связывались с повышением образовательного уровня служащей массы, в первую очередь в ее высших слоях. «Если в делах наших не замечается ни того порядка и преуспеяния, ни такой выдержанности и последовательности, как у наших более просвещенных соседей, — говорилось в новом деляновском представлении, — и во всех сферах частной, общественной и государственной жизни чувствуется недостаток в деятелях, вполне пригодных и вполне подготовленных, и мы более или менее везде в этом отношении, по выражению покойного историка России Соловьева, страдаем малокровием, то это главнейше объясняется неудовлетворительностью результатов, достигаемых нашей школой вообще и нашей высшею школою в особенности, слабостью и низменностью нашего научного образования и непризнанием его действительного значения для всех вообще сфер жизни и в особенности для высших степеней государственного служения».⁴ Задача, которую пытался разрешить Деляпов, состояла в том, чтобы, не отталкивая образованных чиновников, тем не менее удержать государственный аппарат в руках дворянства. Предложенный им ответ лишней раз убеждал в том, что самодержавие столкнулось здесь с крайне сложной для себя проблемой и найти равнодействующую при тех противоположных целях, которые оно преследовало, не представлялось возможным. Ему оставалось лишь выбирать наименьшее (с точки зрения его интересов) зло.

Для того чтобы укрепить позиции дворянства в аппарате власти, Деляпов предлагал меры, этому как будто бы противоречащие, а именно: открыть широкий доступ на государственную службу представителям социальных групп, прежде к ней не допускавшихся, и сделать главным критерием при отборе кандидатов степень их образования, разделив в зависимости от него и сами должности на четыре разряда, с запрещением перехода из одного в другой. Но как раз этим-то уравнением в правах дворянства и так называемых податных сословий Делянов и собирался закрепить его привилегированное положение, рассуждая,

³ Там же, л. 387—387 об.

⁴ Там же, л. 392 об.

что открываемая теперь возможность поступить на службу тем, кто до этих пор ее не имел, резко ослабит у социально нежелательного элемента стремление, идя на всяческие жертвы и лишения, получить высшее образование, а поступив на службу с тем легким образовательным багажом, который донныне отличал представителей дворянства, чиновник-недворянин не мог бы подняться выше определенной ступени и всегда оставался бы мелким исполнителем указаний, но никак не лицом, их дающим. Между тем дворянство этим-то распределением должностей на разряды будет вынуждено повысить свой образовательный уровень и, имея к этому материальную возможность, закрепит таким образом в своих руках управление государственным аппаратом. Приходилось, конечно, считаться с тем, что низшие его ступени будут заняты чиновниками недворянского происхождения, но только так, полагал Делянов, можно предотвратить большее зло — неизбежный переход фактической власти к совершенно ненадежному, по его убеждению, разночинскому элементу. «Уравнение сословий под условием достижения одинакового образования для сравнительно низших степеней гражданской службы, — излагал Делянов свой план, — не может представлять никаких неудобств... напротив, возможность воспользоваться скорее одною из низших степеней образования для гражданской службы, особенно важная для лиц из низших и менее достаточных классов, может в значительной мере уменьшить для этих лиц замечаемое ныне стремление во что бы то ни стало запасть дипломом какого-либо высшего учебного заведения, чем несомненно и высшие учебные заведения были бы избавлены от тяжелого для них бремени».⁵ Риск предлагаемого шага был тем меньше, что он задумывался до некоторой степени просто как уловка. Уравнение в правах имело бы на практике, разъяснял Делянов, условное значение: «предоставление какого-либо права... и осуществление его в действительности — это две вещи совершенно различные. От усмотрения самих начальств различных ведомств зависел бы как прием на службу лиц из низших классов общества по достижении ими одной из низших степеней образования, так и оставление их на дальнейшей службе».⁶

Но даже имея в запасе такие приемы борьбы, самодержавие все-таки не могло уклониться от выбора, от необходимости пойти или на существенное изменение социального состава государственного аппарата теперь же, хотя бы и на низших его ступенях, или же, напротив, оставить действующую систему его пополнения, которая подрывала в конечном счете позиции дворянства давшими ему привилегиями.

⁵ Там же, л. 391.

⁶ Там же.

Примирить противоречивые интересы царизма в области государственной службы не представлялось возможным, и как ни тонко был задуман предлагаемый план, как будто бы их примирявший, его все-таки сочли слишком рискованным новшеством, и сделал это не кто иной, как сам Делянов, вступивший в 1887 г. в Государственный совет с новым представлением, отвергавшим предыдущее.

Теперь он отказывался от мысли уравнивать происхождение образованием и предлагал остаться при системе, которая, как он убедительно доказал три года тому назад, должна была повести к «специально-политическому перевороту». В новом представлении он докладывал Государственному совету, что будет «осторожнее» сохранять за дворянством прежние преимущества. «В настоящее время, — мотивировал он очередную перемену своей точки зрения, — едва ли может быть желательно изменять существенно нынешний состав служилого класса людей, и, вместе с тем, усиливать без нужды прилив к государственной гражданской службе, и создавать новое искусственное привлечение к низшим и средним классам средних учебных заведений для лиц, принадлежащих по своему происхождению к непривилегированным сословиям».⁷ На первый план выдвигались теперь политические соображения данной минуты, которым подчинялись более отдаленные интересы самодержавия. Ослабление позиций дворянства в верхах государственного аппарата в будущем казалось, по-видимому, менее опасным, чем необходимость немедленно потесниться, хотя бы это и ограничивалось лишь низшими должностями.

Установив, что Делянов предлагает новую программу, департаменты Государственного совета постановили отправить дело на повторное ознакомление и отзыв заинтересованным ведомствам.

Все вернулось в исходное положение, чтобы затем повториться. Новые предложения Делянова не встретили поддержки в министерствах и управлениях, и специфика полученных отзывов состояла в том, что в них добросовестно воспроизводилась аргументация, развитая Деляновым в представлении 1884 г. Делянов выступал против Делянова.

Наиболее основательно новые доводы Делянова опровергались его старыми доводами в отзыве Победоносцева.⁸

Далее повторился второй акт. Убежденный в ошибочности своих предложений вторично, Делянов сделал новый зигзаг. Обратившись в 1892 г. в Государственный совет с новым представлением, он вернулся к своим собственным предложениям теперь уже восьмилетней давности.⁹

⁷ Там же. Представление И. Д. Делянова в Госсовет от 1887 г., л. 400.

⁸ Там же, л. 419 об.

⁹ Там же.

Господство принципа происхождения, рядом с которым образование имело чуть ли не отрицательное значение, а дворянам оно и действительно лишь портило карьеру, подверглось доказательной и красноречивой критике, в которой, пожалуй, можно было найти и отзвуки того, что писалось в либеральной печати. Сословные привилегии на службе объявлялись злом и вопиющей несправедливостью. «Распределять права по гражданской службе между сословиями или общественными классами на основании их преданий и исторических заслуг, — утверждал министр, — представляется делом до крайности затруднительным, подверженным всякого рода случайностям, погрешностям и личным воззрениям, и даже делом небезопасным, ибо этим путем весьма легко возбудить взаимные пререкания, рознь и вражду между сословиями».¹⁰ На последнем — опасности проведения открыто продворянской политики — Делянов остановился особо. «Нынешние привилегии по гражданской службе, предоставленные потомственному дворянству при самом вступлении в нее по окончании полного гимназического курса, в два раза больше, чем сыновьям православных священнослужителей и купцов первой гильдии, в четыре раза больше, чем сыновьям не имеющим чинов ученых, и, наконец, в восемь или десять раз больше, чем питомцам приказов общественного призрения, получившим то же самое образование, — не могут не поражать своею несправедливостью и самих учащих еще на школьной скамье, — здраво заключал Делянов, — легко могут питать в них недобрые чувства к привилегированному сословию и к тому общественному строю, который поддерживает такую несправедливость, и может делать их более доступными учениям анархистов».¹¹ И при таком верно подмеченном риске не вызывало сомнений и другое: в окончательном итоге политика поощрения дворянства будет иметь диаметрально противоположный намерениям результат. «По свойственной истории прони всякая неправда или несправедливость обращается во вред тем самым лицам, общественным классам, племенам, религиозным обществам и сословиям, в пользу коих, по-видимому, она совершается или узаконивается, — выводил Делянов некоторое даже философское обобщение, с точки зрения которого оценивалась и конкретная ситуация. — Так было и в настоящем случае: дарованные потомственному дворянству чрезмерные преимущества по гражданской службе перед прочими общественными классами все более и более клонятся к оскудению его высшим образованием и через то к оттеснению его от высших поприщ деятельности и высших государственных должностей».¹² И такие

¹⁰ Там же. Представление И. Д. Делянова в Госсовет от 25 ноября 1892 г., л. 426 об.

¹¹ Там же, л. 427.

¹² Там же, л. 427 об.

последствия уже не были делом более или менее отдаленного будущего. Из рассмотрения списка чинов первых четырех классов уже теперь вытекало, что среди этого высшего слоя преобладают не дворяне, а представители других общественных групп. А что в дальнейшем такое положение сохранится в силе, Делянов доказывал данными о социальном составе студентов Петербургского, Московского, Киевского, Казанского, Харьковского и Новороссийского университетов. Из тысячи студентов на долю дворянства и чиновничества приходилось 455, еще 320 давало духовенство, а 225 по своему происхождению вообще не имели права государственной службы.¹³ В гимназиях на 1 января 1888 г. соотношение тех же групп выглядело как 518—46—436.

И цифры, и факты, и соображения общего порядка приводили Делянова к выводу, что действующая система наносит дворянству «ничем не поправимый вред» и от нее необходимо отказаться, перейдя к тому порядку, который намечался в 1884 г.

Многолетние метания Делянова объясняются не личными свойствами министра, а теми объективными противоречиями, в которых закрутился царизм, не решавшийся сделать выбор, чреватый для всего существующего строя самыми серьезными последствиями. Уходя на протяжении десятилетий от принципиального решения, государственная власть вынужденно поддавалась своим собственным потребностям и пуждам, молча шла на те меры, которые она пока что отказывалась допустить в принципе. В виде разного рода исключений и отступлений от правил, становившихся правилом, на службу принимались все в большем числе те, кто в общем порядке не имел права поступления на нее. К концу XIX в. таких изъятий было уже более тридцати. Они относились не только к должностям, требовавшим специальных познаний, но к целым отраслям управления.¹⁴ Государственный аппарат продолжал быстро разрастаться, и дворянство во все меньшей степени могло удовлетворить в чисто количественном отношении его потребности. Общий итог штатных должностей по ведомствам внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, земледелия и государственных имуществ, государственного контроля, путей сообщения и уделов уже к концу 80-х годов равнялся 126.174.¹⁵ Восстановление былой дворянской монополии в этих условиях становилось все менее вероятным, но царизм не желал признать этого факта, примириться с действительно складывавшимся положением вещей, и деляновское пред-

¹³ Там же, л. 428. При этом в Петербургском университете пропорция составляла 425—320—185; Московском — 470—270—260; Киевском — 545—185—270; Казанском — 380—410—210; Харьковском — 430—370—200; Новороссийском — 270—555—175.

¹⁴ Там же. Представление в Госсовет Комиссии Е. А. Перетца от 5 июня 1901 г., л. 7 об.—8.

¹⁵ Там же, л. 132 об.

ставление 1892 г., шедшее навстречу потребностям буржуазного развития страны и предлагавшее санкционировать порядок, уже начавший применяться на практике, так и осталось в стадии проекта.

Однако повторное уклонение самодержавия от принятия принципиальных решений вело лишь к накоплению и обострению неурядиц и беспорядка в аппарате власти, и жизнь волей-неволей вновь заставляла обратиться к рассмотрению общего положения, жестко устанавливала необходимость выбора общего направления.

При огромном материале, собранном предыдущими комиссиями и совещаниями, при уже разработанных проектах в 1895 г. была учреждена новая Комиссия под председательством Черетца для пересмотра и составления нового Устава гражданской службы. И главным в ее работе стал вопрос о том, из кого будет состоять аппарат государственной власти и какое место займет в нем дворянство. Комиссия заседала в то время, когда подготавливалось и приступило к работе Особое совещание по делам дворянства. Комиссии были известны поставленные перед ним цели. Со страниц «Московских ведомостей» и «Гражданина» в самом агрессивном тоне было выдвинуто требование восстановить прежнюю монополию дворянства в сфере государственной службы. Программа Делянова 1887 г., отвергнутая авторитетными представителями правительства, соответствовала этому курсу безоглядной реакции, игнорировавшей реальную обстановку и даже упускавшей из виду собственные потребности государственного аппарата. Теперь оставалось или вернуться к ней, или поддержать точку зрения, обоснованную в представлении 1892 г., которую тогда разделяла высшая бюрократия. Оба варианта были детально разработаны, и Комиссии Черетца оставалось только выбрать один из них.

Предшествующие многолетние дискуссии убеждали в невозможности сохранить в неизменном виде действующую систему, а тем более предоставить дворянству новые привилегии, и верхушка государственного аппарата, имея Комиссию Черетца выразительницей своих взглядов, высказалась за вторую альтернативу, за отмену сословных привилегий, за то, чтобы сделать образование единственным критерием при поступлении на государственную службу.

Как ни убедительно доказала самодержавию вся современная обстановка невозможность действовать иначе, иным способом удовлетворить свои собственные важнейшие нужды, как ни безуспешны оказались неоднократные попытки отстоять монополию дворянства в государственном аппарате, в Комиссии Черетца было высказано решительное требование оставить за дворянством все его привилегии. А. С. Стиницкий и П. Л. Лобко безоговорочно отвергли новую редакцию Устава гражданской службы,

которая, «нивелируя все сословия», на практике должна была открыть, и в этом они видели главный порок предлагаемого, крестьянам и мещанам путь в аппарат управления.¹⁶ Ожидая от этого «искусственного привлечения» такого, крайне нежелательного с их точки зрения, элемента в средние учебные заведения, они опасались, что, получив образование, этот слой, обреченный на положение «умственного пролетариата», лишь пополнил ряды недовольных.

Еще большая опасность усматривалась со стороны тех, кто сумеет попасть на службу и как будто не будет иметь повода для недовольства. Стишинский и Лобко были убеждены, что образование своим детям смогут дать «наиболее состоятельные члены нашего низшего сословия, именно мелкие сельские промышленники, лавочники и кулаки, а в городах швейцары, лакеи и т. д.».¹⁷ Не называя мелкую буржуазию, они имели в виду именно ее, и в проникновении ее к рычагам власти, хотя бы и в самых скромных ролях, они видели серьезный ущерб политическим интересам царизма. «Едва ли от деятельности молодых людей этой среды на поприще гражданской службы, — подчеркивали они социально чуждую дворянству природу этой категории, — в особенности в должностях по местному управлению и даже полиции, возможно ожидать благотворных результатов».¹⁸

Насколько, однако, слабы были шансы противников вынуждаемых обстоятельств перемен, видно из того, что Стишинский и Лобко оказались в комиссии в полном одиночестве. Свое несогласие с ними подтвердили Е. А. Перетц, Н. П. Шипкин, И. И. Шамшин, В. В. Верховский, бар. В. Г. Фредерикс, А. С. Танеев, Н. П. Петров, кн. Л. Д. Вяземский, гр. В. Н. Ламздорф, Э. В. Шольд, бар. А. А. Искуль, В. П. Череванский, Н. М. Андичков, А. П. Иващенко, П. М. Бутовский, В. К. Саблер, А. Т. Серебряков, бар. А. А. Будберг, П. М. фон Кауфман, А. А. Нарышкин — всего двадцать человек, представлявших практически все министерства. Это подавляющее и достаточно авторитетное большинство, в которое входили лица не только консервативные, но и заведомые реакционеры, отказывалось признать отстаиваемый Лобко и Стишинским принцип — только дворянство может дать власти политически надежный элемент. «Нельзя, — выставляло оно другое начало, — с точки зрения понятий отвлеченных и отчасти предвзятых, делить подданных государства, соответственно происхождению их, на более и менее достойных службы Государю и Отечеству. Устанавливаемые с такой целью перегородки и рамки, — развивало оно этот тезис, — оказываются всегда

¹⁶ Там же. Представление в Госсовет Комиссии Е. А. Перетца от 5 июня 1904 г., л. 6.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 6 об.

искусственными и несоответствующими действительным потребностям жизни, а потому вредными».¹⁹ Перефразируя таким образом последнее деяновское представление, большинство вместе с тем и провозглашаемую равноправность не простирало дальше там же указанных пределов.

Принцип равенства ограничивался низшими должностями. «В огромной массе людей, относимых к разряду неполноправных, — рассуждало оно, — всегда пайдется немалое число честных и полезных тружеников, вполне пригодных для добросовестного исполнения обязанностей, хотя бы и на низших должностях в канцеляриях и управлениях разного рода».²⁰ В отношении к этой категории мелкого чиновничества «пелзья быть слишком притязательным и разборчивым», твердо держась одновременно и другого правила, — «для должностей высших и вообще влиятельных необходимы люди не только серьезно образованные, но и хорошо воспитанные».²¹

Большинство обращало внимание и па то, что дворянство в России не имеет «однородного, сплоченного состава» и что сохранение за ним привилегий послужит лишь «в пользу недочек, от привлечения которых па службу государству трудно ожидать особенно благоприятных последствий».²²

Из аргументов как общего свойства, так и утилитарных следовал вывод — «ограничиться одним общим для всех образовательным цензом».

Полемика внутри Комиссии Перетца, представительное большинство, возражавшее Стишинскому и Лобко, указывали, что защищаемая ими программа не имела достаточно широкой базы в руководящем слое государственного аппарата, хотя при системе самодержавия дела решались не голосованием. Санкцию верховной власти не раз получали взгляды меньшинства, как бы оно ни было мало. Неудача Стишинского и Лобко в комиссии не стала последним словом в продолжавшейся многие годы дискуссии. Проект нового Устава гражданской службы в 1901 г. попал в Государственный совет, который отправил его па отзыв ведомств, и до революции 1905 г. он так и не вышел из стадии обсуждения. Лишь сила революционного патиска заставила самодержавие пойти па давно запоздалый шаг. Утвержденным царем 5 октября 1906 г. положением Совета министров образовательный ценз был сделан единственным критерием при поступлении на государственную службу.²³

¹⁹ Там же, л. 7.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 8.

²³ ПСЗ, т. XXVI, № 28393, стр. 893—894.